

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК ЖЕНИ РЫБИНОЙ

(Публикация М. М. Павловой)

Детский блокадный дневник во многих отношениях явление уникальное (прежде всего по своему эмоциональному воздействию), подобных исторических документов известно немного. Со времени обретения дневника Тани Савичевой (1930–1944), ставшего одним из символов Ленинградской блокады, опубликованы дневники школьников-подростков Юры Рябинкина (1925–1942)¹ и Лены Мухиной (1924–1991);² совсем недавно стали известны фрагменты блокадных записей Тани Вассоевич (1928–2012).³ Не исключено, что этот ряд еще пополнится вновь найденными текстами; одному из них посвящена наша публикация.

Дневник Жени Рыбиной принадлежит к разряду документальных свидетельств, приведенных в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина в главе «Ленинградские дети»; это в самом прямом смысле детский дневник. В июле 1941 г. автору исполнилось 10 лет; девочка была на полтора года младше Тани Савичевой – самой юной из известных нам блокадных «летописцев».

Женя Рыбина родилась 25 июля 1931 г. в Ленинграде в семье служащих. Мать – Антонина Александровна (урожд. Шикулло; 1905–1989) происходила из польской семьи, ее детство и юность прошли в Виленской губернии (неподалеку от Вильнюса). В 1921 г. Тоня Шикулло вместе со своими сверстниками-поляками бежала в Россию «строить коммунизм». К началу войны все ее спутники (20 молодых поляков) пропали, вероятно, сгинули в сталинских лагерях. Девушка

¹ Блокадный дневник Юры Рябинкина опубликован в книге А. Адамовича и Д. Гранина «Блокадная книга» (М.: Эксмо, 2014. С. 322–327).

² «...Сохрани мою печальную историю...». Блокадный дневник Лены Мухиной / Подгот. текста, публ. и коммент. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасова, А. Н. Чистикова; Вступ. ст. С. В. Ярова. СПб.: Азбука, 2011.

³ Фрагменты дневника опубликованы сыном Т. Н. Вассоевич: Аргументы и факты. 2014. № 4 (22 янв.). С. 12; <http://www.aif.ru/society/people/1087017>.

собиралась поступать в вуз, но подруга Ядя (Ядвига) предостерегла ее от этого шага: «Если подашь документы, будешь репрессирована». Не желая испытывать судьбу, Тоня поступила на работу в очаг (так назывались детские дошкольные учреждения – ясли и сады), а вскоре вышла замуж и взяла фамилию мужа.

Отец – Николай Михайлович Рыбин (1904–1967) – инженер-технолог, служил на военном заводе «Пирометр» (ул. Скороходова, до 1923 и после 1991 – Большая Монетная), перед самой войной завод начал производить приборы для авиации, во время войны работал на нужды Ленинградского фронта, выпускал арбалеты для метания зажигательной смесью и малогабаритные «катюши» – установки М-8.

Семья жила на Петроградской стороне – на Малой Посадской (д. 7/4), Рыбины занимали одну комнату в пятикомнатной квартире, принадлежавшей родственникам. Женя училась в 81-й школе рядом с домом – на углу Большой Дворянской (тогда – ул. Куйбышева) и Малой Посадской (рядом с Мечетью), до войны успела закончить два класса.

Первые дни войны застали Женю вдали от дома. В 1939 г., после того как бывшие Виленские земли отошли к СССР, Антонина Александровна сразу же стала хлопотать о выдаче ей разрешения навесить родственников в Западной Белоруссии. В конце мая 1941 г. с началом школьных каникул вместе с дочерью она приехала в Полоцк, оттуда направилась в родные места, где обосновалась на хуторе неподалеку от деревень Сопрончики и Язно. Близкие встретили ленинградцев вопросом: «Тоня, ты куда приехала? Война же!».

«21-го июня, – вспоминает Евгения Николаевна, – ночью пришел мамин брат и сказал, что началась война, пора уходить. Я вышла на улицу и увидела немецкие самолеты, они летели низко над землей на Восток. Все гудело, мне было интересно, маме страшно. Дядюшка отвел нас в лес и спрятал в избушке, через день принес запас еды и вывел на дорогу. Вскоре мы встретили колонну войск НКВД, человек 200 на лошадях, которые бежали из Белостока, в одной из повозок нашлось место для нас. Колонна сразу же была обнаружена немецкими самолетами, они летели низко и разбрасывали листовки, потом стали давать пулеметные очереди. Мы выехали на большой тракт, по которому двигались беженцы и отступающие воинские части. В Великих Луках нас посадили на поезд, идущий в Ленинград; только в конце июля мы приехали домой, где мысленно нас уже похоронили (папа – весь седой)».

В конце июня началась массовая эвакуация детских учреждений, по возвращении Антонина Александровна как воспитательница должна

была сопровождать своих подопечных; их снова повезли в Великие Луки. В Боровичах поезда попали под бомбежку, детей стали срочно возвращать в Ленинград. Евгения Николаевна вспоминает: «Нас посадили в длинный-предлинный поезд, в котором были разные вагоны: одни с Красным крестом, с ранеными, другие с зенитками, третьи везли детей. Мама во время бомбежек ложилась на меня и сильно придавливала к земле».

Они вернулись в Ленинград 24 или 25 авг. («тащились месяц»), это был самый последний поезд, который вошел в город. 12-летний Илья Глазунов, также оказавшийся в этом поезде, попутно подбиравшем и беженцев из предместий Ленинграда (Глазуновы бежали с дачи из Вырицы), впоследствии вспоминал: «В памяти осталась первая бомбежка. Мама и я лежим на земле, а над нами хищными птицами кружат чужие самолеты. Слышен нарастающий змеиный свист летящих бомб и рев самолетов, идущих в пике. Рядом полотно железной дороги, а еще дальше – станция, которую они старались разбомбить. <...> Пройдя многие километры пешком, мы успели к последнему поезду, идущему в Ленинград. Он шел уже в „мертвой“ зоне, куда с часу на час должен был прийти враг. <...> Поезд, на котором мы ехали, был последним, уходящим из „ничейной“ зоны с брошенными заколоченными домами, притихшими и безлюдными в ожидании врага; с убитыми на развороченных взрывах дорогах; с детскими куклами, втоптаннами в грязь и пыль среди изувеченных грузовиков. Солдаты занимали половину вагона, у них на всех был один пулемет „максим“ – точь-в-точь как в кинофильме „Чапаев“. В случае обстрела поезда было велено ложиться на пол, а если поезд остановится – бежать под насыпь или заползать под вагоны».⁴

Отец Жени, в июне мобилизованный на Ленинградский фронт, в скором времени был отозван и переведен на завод «Пирометр» для организации военного производства; там он практически жил, домой приходил раз-два в неделю. Мама работала в очаге, а так как занятия в младших классах были отменены, то Женя была при маме или оставалась дома под присмотром тети Нели и бабушки Поли.

Как многие ленинградцы, Евгения Николаевна отчетливо помнит начало блокады:

«Самые страшные бомбежки начались в сентябре, 8-го были разбомблены Бадаевские склады. Несколько дней, после того как бомба угодила в Зоопарк, по всему парку Ленина (с 1923 по 1991 гг. так на-

⁴ Глазунов Илья. Россия распятая. М., 2006. Т. 1. С. 466–467.

звался Александровский парк) бегали зайцы, лисы, летали большие птицы, наподобие орланов и кондоров. Наш дворник Ахмет сказал: „Вашу Бети убили“. Как мы влезли в зоопарк, я не помню. Слониха была контужена, она лежала, из ушей и глаз текла кровь, над ней летали кондоры и другие хищники, мы все ревели, глядя на ее мучения. Через день-два все животные из парка исчезли. Потом в Зоопарк поставили военных. Запаса еды для зверей здесь было достаточно. Помню, как служительницы ездили за водой на Кронверкский канал, чтобы поливать бегемота. Поразительно, что им удалось его сохранить, бегемот пережил блокаду и войну.

В день, когда разбомбили Ленфильм, у нас случилось происшествие. Мы легли спать, положили на себя матрас и пальто, чтобы убежать, если начнут бомбить... Так и случилось: одна бомба угодила в Ленфильм, другая в наш дом на первый этаж. Раздался страшный взрыв, ударной волной из стены вырвало большое зеркало и подбросило высоко вверх, затем оно медленно спланировало на пол, но не разбилось; одновременно сорвало большую картину, в ней и по сей день дырка, которую мы так и не стали заделывать (это копия с картины Г. Гофмана «Моление о чаше»)⁵.

Первые две зимы младшие школьники не учились, оставались при родителях. Очаг, в котором работала мама, находился в красном трехэтажном доме на углу улиц Скороходова и Льва Толстого. Там мы и жили, а днем, когда не было обстрелов, приходили домой. С началом войны наш очаг превратился в приемник для раненых и потерявшихся детей. Во время бомбежки мы прятались на территории больницы Эрисмана (ныне – Первый медицинский институт), сидели в подвале в бомбоубежище или на первом этаже больницы и смотрели в окно.

Однажды в двадцати метрах от нашего окна упала фугасная бомба, она не взорвалась и торчала, как ствол большого дерева. Приехали саперы, огородили ее и стали выкапывать, чтобы развернуть и выключить взрывное устройство. Работали дотемна, но не обезвредили, поставили дежурных на ночь, утром приехали снова, бомба исчезла –

⁵ *Гофман (Хофман) Генрих* (1824–1911) – немецкий живописец академического направления; создатель ряда картин и рисунков на евангельские темы; наиболее известные полотна «Проповедь Христа на Геннисаретском озере» и «Моление о чаше» пользовались популярностью в Европе и в России, копии с его картин часто помещались в православных храмах конца XIX в. и репродуцировались. Поврежденная осколком снаряда копия с картины «Моление о чаше» как семейная реликвия хранится у Е. Н. Рыбиной.

под собственной тяжестью она ушла в землю. Так было два дня (она за ночь исчезала), только на третий день бомбу разрядили. Мы наблюдали, как ее положили на машину и увезли. Через несколько лет я увидела ее в Музее обороны Ленинграда⁶ (там же стояла и Толстая Берта – пушка, которая ходила по окружной дороге и обстреливала город).

Мы, дети, долго обсуждали это событие, так как саперы запретили нам выходить из помещения до того, как минует опасность. С нами вместе находилась поэтесса Вера Инбер (ее муж заведовал больницей Эрисмана).⁷ Уже в зрелом возрасте я прочитала ее поэму «Пулковский меридиан», в котором она описывает этот эпизод, я помню эти стихи наизусть:

В пролет меж двух больничных корпусов,
В листву, в деревья золотого тона,
В осенний лепет птичьих голосов
Упала утром бомба, весом в тонну.
Упала, не взорвавшись: был металл
Добрей того, кто смерть сюда метал.

Здесь госпиталь. Больница. Лазарет.
Здесь красный крест и белые халаты;
Здесь воздух состраданием согрет.
Здесь бранный меч на гипсовые латы,
Укрывшие простреленную грудь,
Не смеет, не дерзает посягнуть.

и т. д.

Как-то в начале октября отец, отправляясь на завод, сказал мне: „Дочка, не ходи на улицу. Вот тебе тетрадка, пиши в ней, что видишь, что знаешь“. Иногда с фронта приходил дядя Костя, папин брат, приносил мне кусочек серого сахара и дуранду.⁸ Он тоже говорил, чтобы я все записывала. Так я начала вести дневник».

⁶ Музей обороны Ленинграда (1944–1953) располагался в трех соединенных зданиях по адресам: Фонтанка, 10, Гангутская, 1, Соляной, 9; подвергся разгрому в ходе Ленинградского дела, экспозиция была демонтирована, многие экспонаты уничтожены, помещение передано Министерству Военно-морского флота; восстановлен в 1989 г. (Соляной, 9).

⁷ Поэтесса и прозаик Вера Михайловна Инбер (1890–1972) в третьем браке была замужем за профессором медицины Ильей Давидовичем Страшуном (1892–1967; гигиенист, историк медицины), во время войны работал в Первом медицинском институте.

⁸ *Дуранда* – жмых подсолнечный.

С ноября 1941-го по февраль 1942 г. Женя Рыбина заполнила две тоненькие школьные тетрадки.

Первая тетрадь – за ноябрь–декабрь 1941 г. затерялась; в ней были записаны факты и события, о которых по сей день Евгения Николаевна не может вспоминать без содрогания и слез; тем не менее, желая сохранить целостное впечатление о публикуемом документе, она рассказала по памяти о некоторых эпизодах, записанных ею в ранней тетради, дополнив их воспоминаниями.

«Однажды я и двое моих друзей шли из очага к дому, на углу Большой Посадской (д. 9/5) нас загнали в подвал мужчина и женщина, вид их был злобным, пугающим, мы кричали, мимо шел военный, он начал стрелять, мужчина и женщина убежали. Потом нас троих возили на опознание в военный трибунал, мы их сразу же узнали. Нас покормили и отпустили.

В моем первом дневнике была вклеена записка, которую папа снял в булочной: „Меняю декадную карточку на собаку для еды“.⁹

У нас жила рыжая кошка Муся. Пришел к нам дворник Ахмет и говорит бабушке: „Давай свою Муську, я возьму себе только лопаточку, а тебе все остальное“. Она не согласилась. Бабушка Поля и ее любимая Муся умерли в одну ночь. Мы с мамой положили их на санки и повезли на Серафимовское кладбище. Вся территория направо от главного входа – огромная поленница трупов. Девушки-сандружинницы брали эти трупы с двух сторон и закидывали наверх. Нам дали справку, что их похоронили в четвертой братской могиле.

Помню, что записывала, как заклеивали окна крест-накрест, как в декабре ходили за водой. Обычно за водой ходили в два места: в ноябре воду брали из люка, который и по сей день на том же месте – перед станцией метро Горьковская (всякий раз, когда подхожу к метро, глаза сами его находят), а когда Нева встала – под Кировский мост к полынье.

Однажды на Малой Посадской попали под обстрел, видели, как убило лошадь, которая везла воду на Ленфильм. Мы решили вернуть-

⁹ Об исчезновении домашних животных осенью 1941 г. вспоминали многие, Р. И. Нератова писала: «В ноябре в городе не стало собак, кошек и крыс – их съели... Цена на кошку в ноябре была пятьсот рублей, и уже нигде нельзя было купить (мы не пробовали). В нашем институте (в Первом медицинском институте. – М. П.) в самом начале голода съели почти всех подопытных животных. Сперва кроликов, потом – собак и белых крыс. Это голод оттянуло совсем ненадолго. И имеющие отношение к лабораториям тоже стали умирать» (*Нератова Римма. В дни войны: Семейная хроника. СПб.: «Звезда», 1996. С. 60).*

ся и отрезать себе кусок от лошади, когда вернулись через полтора часа, тела уже не было, только кровавый снег, мы набрали снега и потом варили бульон, очень крепкий и ароматный.

Радио перестало работать в конце ноября, его включали, когда объявляли воздушную тревогу. Зимой радио молчало. В декабре началось самое страшное время, утром мы открывали занавески и смотрели на улицу, кто ходит по Кировскому проспекту (Каменноостровскому), немцы или еще наши. То же было и в дни прорыва блокады в 1943 году, когда в городе несколько дней подряд не смолкала канонада, город жил в канонаде, смотрели в окна со страхом, так было, пока у Красного Села не прорвали кольцо.

В последней записи в моей первой тетради я рассказала, как однажды вышла от мамы из детского сада и пошла по набережной Карповки в сторону Ботанического сада. Вся Карповка была завалена обнаженными трупами, у многих были вырезаны груди и ягодицы. Ужас, который я испытала тогда, заставляет меня и сегодня обходить это место».¹⁰

Публикуемая – вторая тетрадь включает записи с 22 янв. по 25 февр. 1942 г.; все они сосредоточены вокруг одной темы: голод, хлеб, еда.

В середине января хлебные фабрики вышли из строя и неделю не работали, люди простаивали в очередях за хлебом ночами; смерть стала будничным явлением (23 янв. Женя записала: «умер дядя Володя»). Своей фактической стороной лапидарные заметки десятилетней девочки перекликаются с сотнями блокадных свидетельств (письмами, дневниками, воспоминаниями ленинградцев), суть их одна – выживание: «...быт и бытие сошлись в тех условиях, когда ведро воды, коптилка, очередь за хлебом – все требовало невероятных усилий, все стало проблемой для измученного, ослабевшего человека...».¹¹

Чисто по-детски бессознательно Женя строила записи по образцу «режим дня школьника», в блокадную зиму распорядок предполагал только самые важные неотменяемые «рубежи» повседневной жизни. Она фиксировала, в какое время вставали утром, кто из членов семьи

¹⁰ Это воспоминание, возможно, относится не к концу декабря, а к середине января; ср. рассказ Д. И. Смирнова: «Они (трупы. – М. П.) еще не лежали, вначале. Они стали лежать в конце января месяца. Еще в январе месяце их возили даже в гробах. Потом уже без гробов, а потом уже было, через какой-то период, что в основном они, как я вспоминаю, лежали на улицах как-то зашитые, как-то обернутые» (*Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. С. 69*). Не исключено, что Женя продолжала записи в первой тетради и в январе, до ее окончания, вторую тетрадь она начала 22 янв.

¹¹ Там же. С. 10.

шел в очередь за хлебом (чаще всего – мама), когда возвращался домой (из записей видно, что иногда в очереди на морозе проходил весь день), какую еду и в каком количестве приносили – сколько граммов хлеба, ложек супа, конфет, муки; кто шел за водой, кто растапливал печь, из чего состояли обед и ужин, в какое время легли спать – все это привычные лейтмотивы блокадных повествований. Римма Нератова (в 1941 г. студентка медицинского института), например, вспоминала: «Мама пошла занимать очередь в булочную за хлебом в 4 часа ночи, чтобы простоять до утра, когда привезут хлеб. Мама всегда вставала до четырех часов, тихо одевалась и шла в очередь, я выглядывала из-под кучи одеял, чтобы сказать маме „до свидания“, и всегда думала, что это и есть настоящий, хоть и тихий и незаметный героизм».¹²

По собственному признанию Евгении Николаевны, ее вторая тетрадь, по сравнению с затерянной первой, производит удручающее впечатление – своей монотонностью: «все только о еде, даже сны о том, как увеличили норму хлеба, но я же была ребенком, ведь должно было что-то радовать, удивлять». Однообразие и монотонность – характерная особенность блокадных повествований («...каждый еще живой дистрофик думал только об еде, тепле и о продлении своей затающей жизни»¹³).

Комментируя записи Лены Мухиной (она была старше Жени на 7 лет), С. В. Яров отметил: «Весной 1942 года дневник все чаще превращается в приходно-расходную книгу. Текст приобретает несвойственную ему ранее монотонность. Записи здесь об одном и том же: об эвакуации, о том, что было съедено сегодня и что предстоит съесть завтра, об „отоваривании“ продовольственных „карточек“ – перечисление продуктов как способ «замещения» недостающей еды встречается почти у всех авторов блокадных дневников».¹⁴

В последней записи от 25 февр. Женя сообщает: «Сижу дома вышиваю. На улице холодно пурга, дома холодно, но есть очень хочется, с очага приносим очень мало делим это все на троих каши вернее размозни дают только по 2 столовых ложечки. Мы все равно очень голодны и истощены, для этого чтоб нам наесца надо очень много».

В своем дневнике девочка ни разу не упоминает об эвакуации, хотя, казалось бы, их семья, как и другие, имела возможность и все

¹² Нератова Римма. В дни войны: Семейная хроника. С. 60.

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ «...Сохрани мою печальную историю...». Блокадный дневник Лены Мухиной. С. 6, 11.

основания выбраться из осажденного города. Об эвакуации как чаемом спасении мечтали многие – и Лена Мухина (весной 1942 г. она была эвакуирована на Северный Кавказ и выжила), и Юра Рябинкин (умер по дороге на сборный пункт).

Евгения Николаевна вспоминает, что тему эвакуации взрослые при ней не обсуждали, отчасти из-за ее бурной реакции. В памяти была жива страшная июльская эвакуация 1941 г., когда у нее на глазах под бомбежками гибли дети и взрослые, при разговорах об отъезде она падала на пол и с ней начиналась истерика («я слышать об этом не могла, так было страшно»). В конце концов тема была закрыта, отец сказал: «Мы – ленинградцы, здесь останемся. Все, что нам положено, то и будет».

В марте 1942 г. Н. М. Рыбин был переведен в Раменское на военный завод, где работал до весны 1945 г., жена и дочь оставались в Ленинграде. В это время Женю определили на неделю в стационар военного госпиталя – подкормить (периодически в городе проводились рейды военных врачей, они отбирали наиболее слабеньких детишек для лечения и восстановления сил). «Когда вернулась домой, – вспоминает Евгения Николаевна, – вдруг почувствовалась весна, захотелось радоваться, играть, жить. Помню, как бегали с ребятами по улицам, однажды в садике на углу Большого проспекта меня за пятку укусила крыса. Дневник я совсем забросила».

Последней страницей блокадного дневника стал вложенный в него, вероятно немного позднее, лист с «Торжественным обещанием» юного пионера; запись сделана красными чернилами, каллиграфическим почерком, по правилам «детской» орфографии и пунктуации: «Я, юный пионер СССР перед лицом своих товарищей, торжественно обещаю великому Сталину большевистской партии, Ленинскому комсомолу жить учиться и работать так чтобы оправдать высокое звание юного ленинца. Обещаю быть дисциплинированным честным трудолюбивым выносливым. Я всем сердцем ненавижу фашистских захватчиков и буду неустанно готовиться к защите Родины. Клянусь в этом именем борцов отдавших жизнь за наше счастье буду вечно помнить, что их кровь горит на моем пионерском галстуке и нашем красном знамени».

В 1944 г. возобновились занятия в школе. Самым ярким и радостным переживанием военного времени на всю жизнь осталось торжество по случаю снятия блокады: «Этот день мы праздновали с таким же воодушевлением, как и день Победы. Слышала, как кто-то говорил, что был салют по случаю прорыва в 1943 году. – Какой са-

лют! Никакого салюта не было, город был в крошечной тьме! – Салют, и какой!!! был в 1944-м, после снятия блокады. Стреляли все! Мы тоже пошли к Неве на Троицкую площадь (тогда площадь Революции), на мне была белая баранья шубка (из мериносовой овцы). Ракета угодила мне на спину, я этого не заметила, просто почувствовала толчок, шубка загорелась. Какой-то военный повалил меня в снег и затушил огонь. Но шубка пропала, жаль, она была от бабушки, меховщика. Есть фотография моя в этой шубке».

После войны Е. Н. Рыбина закончила школу, в 1950–1955 гг. продолжила образование в Ленинградском университете на географическом факультете, в дальнейшем работала по специальности, многие годы в ленинградском институте Гидропроект, проектировала строительство гидроэлектростанций.

По справедливому наблюдению авторов «Блокадной книги», «...воспоминания детей, то есть тех, кто был в блокаду детьми, не похожи на воспоминания взрослых, хотя сейчас рассказывают их нам люди взрослые, уже отцы, матери, даже бабушки».¹⁵ Передать подлинность и своеобразие детского текста можно лишь одним способом – воспроизвести его как исторический документ, без исправлений.¹⁶ Мы публикуем блокадный дневник Жени Рыбиной с сохранением всех признаков инфантильного письма девочки-второклассницы, орфография и пунктуация аутентичны оригиналу.

Текст воспроизводится по автографу: РО ИРЛИ, р. I, оп. 24, ед. хр. 514 (пост. 2014 г., № 41).

ДНЕВНИК на 1942 год
на ЯНВАРЬ
Рыбиной Евгении

22 января. Встала рано, пол 8-го мама ушла в булочную за хлебом. В 8 часов затопила печку, грела чай и варила яйца (2 яйца). Пришла мама принесла хлеб 400 грамм по 200 грамм. Пили чай с хлебом и яйцами, без сахара. Убирала комнату. Потом мама пошла за обедом в очаг. Там был праздник, обед и подарок довали на дом.

¹⁵ *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. С. 249.

¹⁶ По этому пути пошли А. Адамович и Д. Гранин, публикуя письмо 13-летней Тани Богдановой к отцу на фронт, см. «Блокадную книгу» (с. 280–281).

Мама принесла четыре яйца и кусочек масла, (обед) суп с вармишелью и лапша. (Подарок) Две булочки с повидлой и с изюмом. 25 грамм шеколаду, четыре конфеты, и изюм. Паобедали. Пили чай с подарками. Но всего очень мало. Оставили на утро кусочек шекалада. Пошли в магазин, там было масло по 50 граммов на карточку (служ^ащим) и д^етям). Нам не хватило. Пришли домой лигли спать.

23 января. Проснулась в 6 часов. Лижу в кровати, вдруг слышу женский плач. Через несколько минут выбегает тетя Неля, умер дядя Володя от голода. Мама оделась и пошла к ним. Я лежала и ждала ее. Она скоро пришла. Потом она пошла за хлебом, я затопила печку сварила два яичка и согрела чай, потом пришла мама, принесла хлеб, пили чай с яйцами с хлебом и с кусочком шекалада. Потом мама пошла к тети Нели они одели дядю Володю и вынесли в столовую. Обрато пришла только пол 7-го а туда уходила пол 11-го. Пошла за обедом в очаг. Я затопила печку и ждала ее. Принесла она суп с лапшой и перловую кашу. Три яйца, кусочек масла 40 грамм. Две столовых ложки песку и грамм 10 чаю. Разогрели обед паобедали. Пили чай с песком, оставили песку на утро. Плохо жить без света и без воды, каптилка с машинном маслом очень коптит, а за водой приходится ходить в парк. Мама принесла воды, согрела и вымала мне голову, а потом ноги. Мы уже два месяца не мылись, а потом выстерала навочки и прастыни. А потом лигли спать.

24 января. Проснулась в 5 часов утра. Мне приснился сон, что как будто я зашла в булочную, а там прибавили хлеба. Я и рассказала маме этот сон. А она говорит что сегодня прибавки не будет. Я говорю по-мойму так будет, она говорит что будет 25-го или 26-го потомучто перерегистрация еще не кончилась. Пол 8-го она пошла за хлебом. Приходит радостная веселая говорит хлеба прибавили рабочим 400 г., детям и иждивенцам по 250 г., а служащим по 300.¹⁷ Я говорю, ну что правильно я сказала что хлеба прибавят. Пили чай с яйцами с хлебом и с песком. В 10 часов мама пошла в магазин а я убирала комнату в 12 часов пришла и принесла 200 грамм муки ржаной, и 50 грамм масла. Мама сварила болтушки, и мы скушали по блюдичку с маслом. Потом она пошла за обедом в очаг. Принесла суп с клёцками и с мясом, и перловую кашу. Две с^толовых ложки песку и три яйца. Паобедали, согрели чаю, мама сжарила по лепешки, с яйца и муки очень вкусные попили чаю с лепешкой и с песком. В 5 часов вечера

¹⁷ Запись с точностью фиксирует прибавку хлеба 24 января 1942 г. см.: Буров А.В. Блокада день за днем. СПб., 2011. С. 199.

мама пошла в магазин за мясом пришла только в 7 час. Сварили суп с 100 грамм мяса и с остатками пшонной крупы и покушали, в 8 час. легли спать.

25 января. Проснулись в 6 час. В 8 часов мама пошла за хлебом. Пол 9-го я затопила печку согрела чай и сварила 2 яйца, в 9 час. Пришла мама принесла хлеб. Попили чаю с хлебом и с яйцами с песком, потом мама шила наволочки, а я убирала комнату. Потом пришла бабушка, пилили дрова с ней, а мама пошла за обедом в очаг. Мы разожгли печку и грели воду. Через час пришла мама принесла суп с клецками и лапшу, кампот и три яйца. Паобедали и пили чай с сахаром который принесла бабушка. Потом мама с бабушкой пилили дрова а я убирала все со стола в 6 часов вечера легли спать.

26 января. Проснулись в 5 час. утра лежали и разговаривали пол 9-го мама пошла за хлебом, пришла только в 10 час. Пили чай с сахаром и с хлебом с яйцами пол 12-го мама и бабушка пошли. Мама в магазин и за водой в парк, а бабушка домой. Воды мама не принесла потомучто в парке не было в 2 час. она пошла за обедом в очаг. И принесла суп с клецками и с мясом, кампот, ложку песку и 3 яйца. Каши не было потомучто крупы нет. Поели супу, мама сварила 3 яичка за место каши, скушали по яичку, поели кампоту и попили чаю. Мама пошла к тети Нели там была долго, я убирала комнату. Пришла мама сварила болтушку с остатков муки. И в 6 часов легли спать.

27 января. Проснулись в 5 часов утра. В 8 час. мама пошла за хлебом пришла в 10 часов, стояла очень долго потому что нигде хлеба нет, сварили 2 яичка согрели чай и пили с песком. Я поджарила хлеб потомучто он сыроватый. Потом мама пошла в магазин там были конфеты она заняла очередь и пришла домой потому что было уже пол 3-го она пошла в очаг за обедом принесла суп с клецками, кампот, каши не было, яйцо и ложечку мёду. Паобедали мама пошла в магазин за конфетами а я пила чай с хлебом и с медом. Конфет она не принесла, недосталось. Мама сварила 3 яйца 2 на утро в третье покрашила и зделала вроде супу с яйца. Покушали и легли спать.

28 января. Мама пошла за хлебом в 6 час. пришла только в 11 час. потому что очереди с 1 ночи. Принесла хлеба и конфет шоколадных американских. Попили чаю с хлебом яйцами и конфетами. Потом пришел папа с домоддоха, принес овса нечищеного 50 грамм масла немножко шпику песку и повидлы. Мама пошла за обедом в очаг. Принесла суп мучной и ложку песку. Паобедали попили чаю с повидлой хлебом песком и маслом в 6 час. легли спать.

29 января. Мама ушла за хлебом в 4 часа ночи. Папа пошел за толью¹⁸ принес толи затопили печку вскепятили чай, мама пришла в 11 часов утра. Попили чаю с хлебом с остатками повидлы и песку. Потом я пошла за обедом принесла суп мучной кашу мучную и песку кусочек масла. Паобедали попили чаю папа пошел на рынок взял пальто мое и таз. Мы легли спать пришел папа нечего не сменял. Один мужчина ему сказал что он принесет кило муки за таз. Лигли спать.

30 января. Папа пошел за хлебом в 6 час. утра. Хлеб получили в 7 часов вечера. В 9 ч. мама пошла сменить папу. Папа пришел домой взял мое зимнее старое пальто и таз и пошел на рынок я затопила печку и скепятила чай.

Через час пришел папа пальто принес обратно а таз сменял на пять пряников и 900 грамм хлеба. Попили чаю с пряникам и с хлебом. Оставили два пряника и хлеба на обед. Мама пошла в очередь за хлебом, я в очаг за обедом, а папа на Неву за водой. Я принесла мучной суп, каши не было, и ложку песку 10 грамм масла. Паобедали попили чаю с пряникам маслом и песком. В 7 час. папа пришел с хлебом. Съели по кусочку и легли спать.

31 января. Проснулись в 7 часов утра. Встали только в 9 часов, согрели чай и пили с хлебом. В 10 часов папа пошел на завод. А мама в магазин за песком и мукой. Принесла мама 200 г. песку на свою карточку, муки не было. В 2 часа она пошла за обедом, принесла гусинный бульон, четыре чайных ложки песку и три ложки повидлы. Паобедали попили чаю с песком и повидлой. Папа пошел за мукой. Мы убирали комнату. Пришел он несчем муки не полагается. Лигли спать в 6 часов.

1 февраля. Проснулись в 6 часов утра. Есть нечего, нечего опсалютно нет кроме чая да одной ложки кофия. В 10 часов утра мама и папа пошли за карточками карточек не принесли. Мама надо было идти за карточками в институт, а папи к 4 часам на завод за карточками. До 2 часов дня ничего опсалютно не ели кроме кофия. В 2 часа мама принесла гороховый суп, не вареным горох а только намоченый. Сварили гороховый суп поели. Мама пошла в институт за моей и своей карточкой. А папа на завод за своими карточками в 5 часов пришла мама принесла хлеб 600 грамм и только на свою на 2 дня. Детские карточки сказали будут на следующий день разделили хлеб

¹⁸ *Толь* – кровельный и гидроизоляционный материал, получаемый пропиткой кровельного картона каменноугольными или сланцевыми дегтевыми продуктами.

паполам и съели, легли спать через час пришел папа карточек не принес на завод они еще не прибыли принес суп с одной повидлой сладкий попили и лигли спать.

2 февраля. В 6 часов утра мама пошла за хлебом, пол 7-го пришла принесла хлеб на свою карточку 300 г. разделили папи 150 грамм, а нам по 75 г. папа пошел на завод а мама отодрала фанеру от окна. В 2 ч. она пошла за обедом в очаг. Принесла гороховый суп гречневую кашу, повидлы. Покушали супу. Я пошла в очаг за моими карточками принесла карточки мама пошла за хлебом принесла 750 г. хлеба на мою карточку и получила 400 г. гречневой крупы. Сварили густой суп покушали разделили хлеб пополам и лигли спать.

3 февраля. Мама пошла за хлебом в 7 час. утра пришла в 10 ч. Принесла хлеб, попили чаю с писком который она купила вместе с хлебом 300 г. В 2 ч. мама пошла за обедом принесла жидкий гороховый суп и жидкую гречневую кашу, ложечку повидлы, паобедали, папа замазал окно, мама мыла посуду. В 6 часов сварила жидкий ячневой <?> суп с остатками крупы. Покушали в 7 ч. Лигли спать.

11 февраля. Прибавили хлеба, раньше папи давали 400 гр. у него рабочия карточка а теперь 500 гр. а мама у нее служещия карточка раньше 300 гр. а теперь 400 гр. а мне довали 250 гр. а теперь 300 гр. но всеравно этого очень мало.

20 февраля. Объявили выдачу сушоный картошки всем по 150 гр. Мы так обрадовались что мы ее ели сухую, сухая она очень вкусная. Мама сварила суп с картошкой.

21 февраля. Объявили мясо папа пошел в очередь в 6 часов, в 9 час. мама получила папи 350 гр. мами 250 гр. сварили суп с мясом и с картошкой и съели по кусочку сырому с солью. Враг опстреливает Ленинград каждый день.

22. II. Объявили крупу и масло. Папи 125 гр. масла и 250 гр. крупы мама получила гречневую крупу и масло стояли с 6 час. утра.

23 февраля. Вечером объявили по четверти литра керосина. И р<абочим> и д<етям> по 25 гр. шекалада, а с<лужащим> и и<ждевцам> по 25 гр. какао. Утром 24 ф<евраля> мама получила 25 грамм какао на свою карточку, а вечером 50 гр. шеколад. На мою и папину карточку. Я разбила маленькую мосленку, очень жаль.

25 февраля. Сижу дома вышиваю. На улице холодно пурга, дома холодно, но есть очень хочется, с очега приносим очень мало делим это все на троих каши вернее размозни дают только по 2 столовых ложечки. Мы все равно очень голодны и истощены, для этого чтоб нам наесца надо очень много.